

Увидев, что гибель «Люйиньской» не сломила Ли Жуна окончательно, Чжан Чжаохэ на мгновение замер в удивлении. Тень этого чувства промелькнула в его взгляде столь стремительно, что лишь исключительная проницательность юноши позволила её уловить.

На сей раз Чжан Чжаохэ не стал занимать своё привычное место в глубоком кресле за массивным столом. Опираясь на трость, он встал прямо перед Ли Жуном, стремясь встретиться с ним взглядом на одном уровне. Вид у собеседника был непривычно небрежный: волосы не уложены, несколько прядей спутанно падали на лоб, придавая худощавому лицу выражение глубокой изнуренности. Даже вечная стальная ручка в нагрудном кармане висела криво, стягивая ткань пиджака мелкими складками.

— Не ожидал увидеть тебя сегодня на занятиях, — произнес он и тяжело вздохнул. Старик порывался было коснуться плеча юноши, но, словно вовремя опомнившись, неловко опустил руку.

Ли Жун смотрел перед собой тусклым, безжизненным взглядом.

— А разве я не должен был прийти? — бесцветно отозвался он.

Чжан Чжаохэ горько усмехнулся и покачал головой.

— После всего, что случилось... Понимаешь, я даже приготовил для тебя бланки. — Он указал на стол, где лежала внушительная стопка заявлений об освобождении от занятий. На каждом каллиграфическом почерком уже была выведена подпись: «Чжан Чжаохэ». Даты оставались пустыми, будто он не знал, на сколько недель или месяцев юноша решит вычеркнуть себя из жизни.

Староста лишь мазнул взглядом по стопке и тут же отвернулся. В его голосе сквозило безразличие, граничащее с оцепенением:

— Спасибо.

Чжан Чжаохэ долго и пристально смотрел на него, а затем заговорил вкрадчиво, почти шепотом:

— Ты разочарован, верно? Разочарован настолько, что этот мир перестал тебя интересовать. Ты осознал, что недавняя победа была лишь иллюзией, нелепой шуткой, которую сыграла с тобой судьба. Громкий триумф обернулся мимолетной вспышкой фейерверка. А теперь подумай: как долго протянут те интернет-пользователи, что так яростно кричали в твою поддержку? Как долго пациенты, клявшиеся бойкотировать «Цзякэтин», смогут держать оборону без твоего препарата? В конце концов, они сделают вид, что этой вспышки в небе

никогда не было, и вернуться к прежней жизни. Они позволят «Сухэ» возродиться и продолжат покупать их лекарство. А ты? Кажется, ты остался ни с чем. Весь мир просто выбросил тебя за борт.

Губы Ли Жуна мелко дрогнули. Пальцы невольно сжались в кулаки, под тонкой тканью футболки напряглись плечи. Он всё так же не поднимал глаз и не спешил отвечать, будто лишившись привычной гордости и сил для сопротивления. В тесном кабинете воздух казался застывшим, а последний отблеск заката медленно соскальзывал с подоконника, пока тени окончательно не поглотили комнату.

— Ли Жун, никто в этом мире не поймет тебя так, как я, — наставительно произнес Чжан Чжаохэ. — Я же говорил: мы с тобой одной крови.

Веки юноши дрогнули, но даже на эти слова он не нашел в себе сил отреагировать. Весь день в университете он вел себя странно: на лекциях не мог сосредоточиться, а когда преподаватели обращались к нему, замирал, словно лишившись души. Все эти тревожные вести уже успели дойти до Чжан Чжаохэ.

— Ли Жун витает в облаках, за тест не написал ни строчки, потерял два балла.

— Ли Жун не может связать и двух слов, смотрит на презентацию отсутствующим взглядом.

— Ли Жун опоздал и даже не попытался придумать мало-мальски убедительную причину.

— Ли Жун проспал всю пару, жаловался на бессонницу и пропустил обед.

Всё указывало на то, что человек истощен до предела и держится лишь на голом упрямстве. И теперь, глядя на него, старик убедился в этом окончательно. Он осторожно положил сухую, костлявую руку на плечо Ли Жуна. Этот жест не нес в себе тепла, но сам Чжан, похоже, считал иначе.

— Помнишь, как мы поднимались на гору Та? Мы вдвоем первыми добрались до вершины. Я часто вспоминаю тот день. Мне кажется, те мгновения переплелись с кадрами десятилетней давности, и от этого на душе становится невыносимо горько.

В тот день... Горло Ли Жуна сжалось. Именно тогда он впервые прикоснулся к безупречной логике Чжан Чжаохэ. Она была столь совершенной, что на миг ему показалось, будто он нашел родственную душу. И если бы не последующая встреча с Шэнь Гуй и Тунтун, если бы не обещание исцелить девочку, он, возможно, и впрямь стал бы подобием этого человека. Дети — единственные, кто своей искренностью и наивностью способны пробить брешь в любой логической западне. Они не признают правил и схем: для них любовь — это любовь, а ненависть — это ненависть.

— Там, где мы стояли с тобой, когда-то стояли мы с твоим отцом, — продолжал Чжан Чжаохэ.
— Ли Цинли, как и ты, смотрел вдаль на суетящуюся внизу толпу. Он сказал тогда: «Было бы прекрасно, если бы все эти люди жили так же легко и счастливо, не зная болезней и бед». Мы стояли там, переполненные надеждой и любовью к миру. Я был во всём согласен с ним. Мы трудились ради того, чтобы каждый мог с улыбкой взойти на свою вершину. В тот день погода была чудесной — ясное небо, ласковый ветер... Казалось, сама природа благословляет нас. И к чему это привело?

Услышав имя отца, Ли Жун наконец поднял голову. Его глаза покраснели, губы были плотно сжаты, а в оцепенении проступили первые искры гнева.

— А привело это к тому, — голос Чжана задрожал от волнения, — что твоего отца затравили, а всем было плевать. Те, кого он хотел спасти, сами стали мечами в руках его палачей. И спустя годы эти жалкие шуты кинулись строчить извинения под анонимными постами. Весь этот пафосный шум... Ли Цинли его уже не услышит. Перед смертью он видел лишь потоки грязи, проклятия и кровавую неблагодарность за всё своё добро! Он оставил все данные по «Люйиньсю» как последний дар этим ничтожествам, но они превратили его в пепел!

Старик внезапно вцепился в плечи Ли Жуна, его лицо исказилось от ярости:

— Почему он должен был через это пройти? Почему ты должен это терпеть? Весь этот мир в долгу перед вами! Они не заслуживают ни капли твоей доброты. Ли Жун, ты единственный сын своего отца и матери. Ты выжил. Не повторяй их ошибок. Живи для себя. Именно этого они бы хотели!

Глаза Ли Жуна наполнились слезами, сквозь которые проступала сетка лопнувших сосудов.

— Кто это сделал? — прохрипел он, дрожа всем телом. — Чжэн Чжупань повержен. Кто сжег проект?!

Чжан Чжаохэ медленно разжал пальцы и горько усмехнулся сквозь слезы:

— О, Ли Жун... Ты правда думал, что с падением Чжэн Чжупаня всё закончится? Знаешь ли ты, скольким людям невыгодно оправдание твоего отца? Любой из них мог поднести спичку! Пожар полыхает не только в архиве, он полыхает в их сердцах! Вспомни: когда всё началось, нелепые слухи множились как чума. Людям не нужны были оправдания — они мгновенно вынесли твоим родителям смертный приговор!

— Что делал Исследовательский институт «Хунсо» в то время? Едва почуяв неладное, Чжу Янь первым бросился в сторону. Он поспешил стереть имена Ли Цинли и Гу Нун с сайта института, заморозил все их проекты. Даже общую фотографию в главном холле сняли! Разве он пытался защитить друга? Разве он рискнул своим креслом директора, чтобы поручиться за него? Нет! Он оказался ничтожным, трусливым эгоистом!

Ли Жун нахмурился, будто впервые по-настоящему услышал имя Чжу Яня. В его взгляде читались гнев и глубокое непонимание. Чжан Чжаохэ глубоко вздохнул, будто ему не хватало воздуха, и продолжил уже спокойнее:

— А Объединённая торговая палата «Ланьшу»? Девятый район? Они вели себя как крысы в сточной канаве — наживались на хаосе. Они прибрали к рукам всех партнеров твоего отца, угрозами и подкупом затаскивая их в «Ланьшу». Пока «Хунсо» зализывал раны, «Ланьшу» втихомолку гребла деньги. Количество их членов выросло на тысячи, и каждый платил баснословные взносы! А Девятый район? Хань Цзян мнит себя великим борцом за справедливость, но его ведомство прогнило насквозь. Если бы Шестой район не прикрыли, они бы так и не узнали, сколько грязи скопилось в «Сухэ» под крылом «Ланьшу»!

В глазах юноши отразилось потрясение. Он догадывался о врагах внутри «Хунсо», но не подозревал, что «Ланьшу» тоже поживилась на трагедии его семьи. Он быстро отвернулся, смахивая слезы и пытаясь скрыть замешательство, но собеседник успел заметить его реакцию.

Он отвел руку юноши от лица — глаза Ли Жуна были ярко-красными от грубой ткани рукава.

— Я щадил тебя, не хотел, чтобы ты знал всю правду в таком юном возрасте. Но теперь ты имеешь на это право. Никогда не считай людей из «Ланьшу» своими союзниками. Думаешь, они помогают тебе? Нет, они лишь используют твою силу, чтобы ударить по «Хунсо». Ты сейчас ненавидишь этот институт, ведь ты уверен, что поджигатель оттуда — и ты прав, там слишком многие знали о перезапуске проекта. Ты уничтожил «Сухэ». Неужели твоя следующая цель — сам институт? Именно этого они и ждут! Первый и Третий районы «Ланьшу» получили реальную выгоду от смерти твоих родителей. Использовать их, чтобы убрать «Сухэ», было верным ходом, но не вздумай признавать врагов друзьями!

Ли Жун побледнел и невольно отшатнулся. Словно не в силах больше слушать, он хрипло бросил:

— Мне пора.

Но Чжан Чжаохэ железной хваткой вцепился в его запястье. Сила в его руках была совсем не старческой.

— Ли Жун, неужели ты боишься взглянуть правде в глаза?!

Юноша яростно дернулся, пытаясь высвободиться, и закричал:

— Замолчи! Хватит!

— Признавать истину больно, но разве это повод бежать? — напирал старик. — Ты разочаровываешь меня. Я думал, ты боец, но ты оказался слабее своих родителей!

Ли Жун сорвался на крик, как обычный мальчишка его лет:

— И что мне делать?! Ты говоришь, что «Хунсо» — враг, «Ланьшу» — враг... Мне нет места в этом мире! Может, это я во всём виноват, и мне стоит просто покончить с собой, как сделали они?!

— Нет! — голос Чжан Чжаохэ загремел под сводами кабинета. Он притянул Ли Жуна к себе, его высокие скулы покраснели от возбуждения, взгляд стал острым и хищным. — У тебя есть выбор. Разве родители никогда не рассказывали тебе о Группе «Высокая башня»?

Ли Жун замер, вся его ярость мгновенно испарилась. Слова собеседника сбили его с толку. Название казалось смутно знакомым, но в то же время чужим. Группа «Высокая башня»... Слишком простое сочетание слов, которое легко пропустить мимо ушей. Он не помнил, чтобы родители упоминали об этом, по крайней мере, они точно не обсуждали это за ужином.

Чжан Чжаохэ поспешно вернулся к столу, присел и вытащил из самого нижнего ящика папку. На обложке красовалось золотое изображение конусовидной башни — тот самый знак, который Ли Жун однажды мельком видел здесь.

Чжан положил документ перед юношей:

— Десять лет назад из-за несправедливого увольнения одного сотрудника твой отец понял: голос ученых в университетах и институтах ничего не значит. Власть принадлежит чиновникам, которые ничего не смыслят в науке. Им плевать на наши мысли, на бюджеты, на справедливость. И тогда Ли Цинли решил создать своего рода профсоюз исследователей — силу, способную заставить их считаться с нами.

— Сначала нас было всего десять. Мы вместе поднялись на гору Та, и там твой отец дал нам имя — Группа «Высокая башня». Это означало: «Восседая на шпигеле высокой башни, облегчать страдания всего сущего». Все эти годы проекты членов группы маркировались индексом GT. Проверь их сам: биохимия, физика, математика, материаловедение... Ни один из них не служил личной наживе. Это были проекты ради людей!

— После гибели твоих родителей многие порядочные люди увидели истинное лицо «Хунсо». Поняв правду, они выбрали наш путь. Сегодня в группе более двадцати тысяч человек — больше половины всех ученых Института «Хунсо». Они чтят память твоих родителей, они разделяют их идеалы. Именно они — твои настоящие друзья.

— Ли Жун, твой отец был первым лидером этой группы и навсегда останется им в наших сердцах. Ты талантлив и умен, ты должен продолжить дело своих родителей. Пора возвращаться домой!

Золотая башня, тронутая временем, мерцала холодным, спокойным блеском. Уходящие лучи заката будто в страхе отступали перед этим светом. Ли Жун вспомнил конверт с рукописями

отца — на нем действительно стояли две неброские буквы: GT. Так вот что это значило. GT201 — проект Группы «Высокая башня».

Чжан Чжаохэ проводил Ли Жуна взглядом. Юноша уходил в прострации, прижимая к груди папку с золотым тиснением. На лице старика отразилась тревога, сменившаяся торжествующей улыбкой.

Едва за спиной Ли Жуна со скрипом закрылась тяжелая дверь кабинета, его отрешенное выражение лица исчезло. Сохраняя видимость потрясения, он дошел до слепой зоны камер видеонаблюдения, неспешно стер следы слез и усмехнулся.

Он не сомневался, что большая часть рассказа Чжан Чжаохэ — чистая правда: и про создание группы, и про её развитие. Не знай он Цзян Чжэн и роли Чжан Чжаохэ в деле тети Хуэй, он бы наверняка поверил каждому слову, обрел «новый дом», преисполнился благодарности к собеседнику и стал бы острым мечом, направленным против Цэнь Сяо и Цзянь Фу.

Уничтожение «Люйиньской» стало для него сокрушительным ударом. Сейчас он был уязвим, чувствителен и потерян — идеальная мишень для манипуляции. Кто-то обязательно должен был нанести удар именно в этот момент. И Чжан Чжаохэ пришел.

Подозрения Ли Жуна относительно него крепили еще и благодаря воспоминаниям из прошлой жизни. Чжан описывал себя как одного из основателей группы, ключевую фигуру, но в прошлом воплощении он ни разу не появлялся. Первым, кто принес Ли Жуну аббревиатуру GT, был профессор Цзян. Если бы члены группы действительно так чтили его родителей, они бы не бросили их сына на произвол судьбы. Ли Жун помнит, как ему было тяжело — долги, отсутствие жилья... Никто из этих «друзей» не протянул руки помощи.

Позже, когда он попал в «Хунсо», единственным, кто проявил искреннюю заботу, стал его наставник Цзян Вэйдэ. Именно он позволил ему изучать бактериальную прогеррию и сам дал проекту индекс GT201. Пусть он не раскрывал значения букв, но это явно был жест памяти о родителях Ли Жуна. Цзян Вэйдэ тоже был членом группы с самого начала. Просто этот прямолинейный, погруженный в науку человек вряд ли имел там реальную власть. Даже Ли Цинли и Гу Нун, идеалисты, презиравшие жажду наживы, не были лучшими кандидатами в лидеры такой массы людей. У каждого свои интересы, и те, кто объединился ради справедливости в деле Сюй Танхуэй, не обязательно сохранили единство до конца.

О чем думал Чжан Чжаохэ в тот день на вершине горы Та, пока его родители грезили о великих свершениях? Не видел ли он в этом лишь шанс свергнуть Чжу Яня?

Старик сказал, что они похожи. Ли Жун догадывался, почему в этой жизни Чжан Чжаохэ проявил инициативу. Теперь Ли Жун обладал ценностью, за которую стоило бороться. В прошлой жизни он враждовал с Цэнь Сяо, а значит — и с Третьим районом «Ланьшу». Он был просто прилежным ученым, одержимым мечтой родителей, и даже не подозревал, что

трагедия была спланирована. Тогда Чжан считал его недостойным внимания Группы «Высокая башня». Тот Ли Жун хотел спасти людей, казался близоруким и нелепым — тратить на него ресурсы было бессмысленно.

Но теперь всё иначе. Ли Жун, еще будучи школьником, опубликовал гипотезу отца, вынудил Сюй Вэя бежать из страны, заставил профессора Цзяна потерять лицо. Он разрушил альянс между компанией «Мэйцзян», больницей «Цзяцзя» и корпорацией «Сухэ». Он объединил Первый и Третий районы «Ланьшу» с популярной звездой, чтобы сокрушить финансового гиганта. Он виртуозно управлял общественным мнением, загнав Чжу Яня в угол.

Вокруг него стихийно сплотилась сила: медийное влияние Линь Циня, деньги и власть «Ланьшу» и Девятого района... Со стороны это казалось детскими играми, но на деле Ли Жун стал фигурой, обладающей реальным весом. Он стал опасным. Он стал ценным. И теперь его нельзя было оставлять во врагах — он должен был стать инструментом Группы «Высокая башня». Благо, группа была создана его отцом, что делало предложение Чжана безупречно логичным.

Вечером команда снова собралась в старой квартире тети Хуэй. Жилой комплекс был столь неприметным, что фанаты Линь Циня ни за что бы не догадались искать кумира в такой глуши.

Ли Жун положил папку перед Сюй Танхуэй.

— Тетя Хуэй, вы ведь уже видели этот знак? — тихо спросил он.

Сюй Танхуэй внимательно изучила документ, и её лицо постепенно светлело от узнавания. Она указала на золотую башню:

— Да-да, точно! Вспомнила... Я видела это у...

— У моего отца, — закончил за неё Ли Жун.

Тетя Хуэй закивала:

— Именно! Когда я только начинала торговать на площади Университета А, у меня ничего не получалось. Перчатки валялись комом, товар был неказистый, никто не подходил. Профессор Ли заметил меня и сказал, чтобы я не тратила время зря. Он пообещал сделать мне пропуск в библиотеку, чтобы я могла больше читать. Он говорил, что ответы на многие сложные вопросы можно найти в книгах и истории. На следующий день он принес мне карту, а под ней лежали какие-то бумаги с этим самым рисунком. Я только мельком глянула, он еще так ярко блестел на солнце...

Цзянь Фу впал в ступор. Он вытянул шею, разглядывая эмблему:

— Что? Профессор Ли? А я-то думал...

Он был уверен, что этот знак принадлежит врагам. Линь Цинь тоже выглядел озадаченным:

— Но если это знак Ли Цинли, почему Староста о нём ничего не знал?

— Кто тебе это дал? — встревоженно спросила Сюй Танхуэй. — Откуда у него эти бумаги? Это друг твоих родителей?

Ли Жун медленно сел, отложив папку в сторону.

— Мои родители не любили приносить работу домой, — с легкой улыбкой ответил он. — Они редко обсуждали дела при мне. То, что я не знал об этой группе или не обращал внимания, — вполне естественно. Скорее всего, для них это был обычный профсоюз, ничем не отличающийся от клуба любителей скалолазания или бадминтона.

Цзи Сяочуань, чьи волосы теперь были подстрижены до плеч, что придавало ей совсем детский вид, тихо спросила:

— Что за... профсоюз?

Ли Жун вкратце пересказал им всё, что узнал от Чжан Чжаохэ. Об этой группе он и сам знал не так много. Сюй Танхуэй слушала, затаив дыхание.

— Значит, всё из-за меня? — прошептала она.

Она и представить не могла, что поводом для создания группы стала её беда. На душе стало горько и в то же время тепло: её горе не осталось незамеченным, оно заставило кого-то бороться за перемены. Но осознание того, что судьба Ли Цинли вновь косвенно переплелась с её собственной, причиняло боль.

— После инцидента с жестким диском мы с тетей Хуэй вместе оказались в полиции, — рассудительно произнес Ли Жун. — Наша связь перестала быть секретом. Чжан Чжаохэ наверняка решил, что отец рассказывал тете об истинных целях создания группы. Он надеялся, что я получу подтверждение его слов здесь. Тогда я бы безоговорочно поверил ему, счел бы Группу «Высокая башня» своим истинным домом и стал бы врагом Чжу Яня и Торговой палаты «Ланьшу».

— Черт возьми! Если бы мы случайно не встретили Гэн Аня и не узнали про Цзян Чжэн и Хань Ин, ложь Чжан Чжаохэ была бы безупречной! — Цзянь Фу передернуло. Он в который раз

порадовался, что стоит на одной стороне с Ли Жунуном.

— Да, — подтвердил Линь Цинь. — Он почти не лгал, но это лишь часть правды. Чжан Чжаохэ угрожал беззащитной Цзян Чжэн, он далеко не святой.

Ли Жун и Цэнь Сяо понимали, что знакомство с Гэн Анем и выход на Хань Цзяна не были случайностью — это были ниточки из прошлого воплощения, оставленные Ду Минли.

— Меня другое удивляет, — продолжил Ли Жун. — Десять лет назад их было всего десять человек. А теперь, благодаря трагедии моих родителей, группа разрослась до двадцати тысяч. Это больше половины штата «Хунсо». Получается, они фактически лишили Чжу Яня власти?

— Вот именно! — Цзянь Фу хлопнул себя по колену. — Хитрый старик! Он ноет, что «Хунсо» ослаб, а «Ланьшу» наживается. Почему же он не упомянул, что сама группа за это время превратилась в гиганта? После краха Шестого района и компании «Мэйцзян» позиции «Ланьшу» пошатнулись, и в выигрыше осталась только «Высокая башня».

Цэнь Сяо, до этого хранивший молчание, добавил:

— Помнишь похороны твоих родителей? Мы делились наблюдениями. Ты сказал, что боты в сети — не стиль Ли Байшоу. А я заметил, что профессор Цзян был подозрительно вежлив с Чжан Чжаохэ.

Ли Жун мгновенно вспомнил тот момент. Тогда Цэнь Сяо еще расспрашивал о характере Цзян Вэйдэ и даже в шутку хвалил его благородство. Теперь всё стало ясно: профессор Цзян уступил место Чжану не из вежливости, а потому что...

— Похоже, в иерархии Группы «Высокая башня» статус Чжан Чжаохэ гораздо выше, чем у Цзян Вэйдэ, — холодно произнес Цэнь Сяо. — И этот авторитет перевешивает разницу между обычным лектором и почетным профессором.

— Могу поспорить, — прищурился Ли Жун, — что Чжан Чжаохэ и есть второй лидер группы после моего отца.

Остальные слушали их диалог, затаив дыхание. Они не были на похоронах, и выводы парней их поразили. Неприметный лектор, вечный аутсайдер Университета А, на деле руководил тайной организацией и командовал самим Цзян Вэйдэ?

— Босс, — робко подала голос Цзи Сяочуань. — Он хочет... заманить тебя к себе? Что ты будешь делать?

Чжан Чжаохэ был опасен и странен, но группа была делом всей жизни Ли Цинли. Было бы логично, если бы Ли Жун почувствовал к ней привязанность, ведь там было множество

сторонников его родителей.

Ли Жун не ответил сразу. Вместо этого он долгим, пронзительным взглядом посмотрел на Цэнь Сяо. Тот выдержал его взгляд несколько секунд, а затем отвел глаза, будто что-то скрывая. Сердце юноши пропустило удар.

— Мне нужно подумать, — негромко сказал он друзьям. — Возвращайтесь по домам, отдохните.

Когда все разошлись, Ли Жун специально медлил. Он проводил Сяочуань, Линь Циня и Цзянь Фу, попрощался с тетей Хуэй и наконец нагнал Цэнь Сяо в узком, темном проходе между домами. Юноша скрестил руки на груди, приняв непринужденную позу. Он поднял глаза на капитана, и на его лице заиграла кроткая улыбка:

— Капитан Цэнь, ты совсем не удивился, услышав о Группе «Высокая башня». Не хочешь ничего объяснить?

Цэнь Сяо на миг замер, а затем негромко рассмеялся:

— От твоего взгляда ничего не скроешь. Долго же ты терпел, прежде чем прижать меня к стенке.

Он потянулся к лицу Ли Жуна, но тот ловко перехватил его руку:

— Ты скрывал это от меня.

В голосе юноши слышался упрек, будто Цэнь Сяо рисковал навсегда потерять доступ к его постели, если не даст убедительных объяснений.

— Ладно, признаюсь, — капитан поднял руки, сдаваясь. — Я слышал об этой организации и раньше.

Ли Жун мгновенно посерьезнел. Он прищурился, ожидая честного рассказа. Прежний Ли Жун, возможно, даже не стал бы спрашивать — он бы просто выставил человека за дверь своего доверия. Но теперь он знал, как больно обходятся недомолвки, и готов был выслушать. Они не могли позволить себе еще одну войну из-за взаимного недоверия.

— Впервые я узнал о них в тот день, когда пришел мстить Ду Минли, — начал Цэнь Сяо. — Именно это я и не решался тебе рассказать. Перед смертью Ду Минли спросил, слышал ли я о Группе «Высокая башня». Он назвал Хань Цзяна и Чжу Яня законченными идиотами, как и многих в «Ланьшу» и «Хунсо». И меня в том числе. Он сказал, что мы все стали заложниками дела «Люйиньсюй», с нас сорвали маски благопристойности, обнажив уродливую суть.

— Он назвал смерть твоих родителей «кровавым жертвоприношением». По его словам, целью было устроить беспрецедентную чистку в Исследовательском институте «Хунсо». Они хотели глубоко внедрить идею Группы «Высокая башня» в умы людей, позволить ненависти и гневу созреть и вылиться в катастрофу, которая изменит всё. Они верили, что для исцеления системы нужны жертвы. Ли Цинли и Гу Нун, умерев, стали для группы богами.

— Ду Минли считал, что если правда о «Люйиньской» выплывет наружу, это ударит по всем, кто связан интересами с институтом и торговой палатой. «Ланьшу» и «Хунсо» потеряют всякое доверие, начнется хаос, который затронет миллионы. Он защищал свою «стабильность» и ради этого принес в жертву твоих родителей. Он хотел, чтобы люди продолжали жить в привычной иллюзии.

— За два года группа выросла до двадцати тысяч человек. Представь, во что она превратилась за шесть лет в твоей прошлой жизни. Ду Минли считал всех людей гнилыми и эгоистичными, и твои родители не были для него исключением. В тот момент ты только начал уничтожать «Сухэ», и я промолчал, боясь, что эти слова сломят твою волю.

Цэнь Сяо знал Ли Жуна, но не знал его родителей. Ему не у кого было спросить, о чем они думали на самом деле, и он не мог проверить слова Ду Минли. А если тот был прав? Тогда всё, за что сражался Ли Жун, было лишь частью чужого мрачного плана.

Тот выслушал его и спокойно улыбнулся. Юноша расслабленно прислонился к стене.

— Я как-то читал об одном веществе — титановых белилах. Это самый стойкий белый пигмент в мире, он перекрывает любой другой цвет. Для меня мои родители — это титановые белила. Их доброта была абсолютной, её невозможно испачкать. Они были по-настоящему хорошими людьми, и у них была лишь одна цель — помогать всем, кому только смогут. Любая корысть, жажда власти или денег — это грязь, которая к ним не липнет. Я не верю в сказки Ду Минли, и они не могут пошатнуть мою уверенность.

Цэнь Сяо притянул Ли Жуна к себе, обнимая и поглаживая по спине.

— Прости, — прошептал он. — Видимо, я судил по себе.

Раз юноша верит, значит, так оно и есть.

— Но я — не мои родители, — негромко произнес Ли Жун, прижимаясь к теплому телу Цэнь Сяо. — Те, кто хочет стабильности, пусть готовятся к буре. Я собираюсь всё перевернуть. И Группа «Высокая башня» мне очень интересна.

— И что ты задумал? — с любопытством спросил капитан.

Ли Жун улыбнулся, и в полумраке его глаза ярко блеснули:

— Чжан Чжаохэ всё рассчитал. Он думал, что без «Люиньсюй» я окажусь в тупике. Но он не знает, что у меня есть проект GT201, над которым я работал под руководством Цзян Вэйдэ. Мне нужны ресурсы группы, их лаборатории, их лучшие умы. Я должен завершить GT201 как можно скорее. Пока интерес публики не угас, я уничтожу бактериальную прогерия. А значит, я обязан вступить в их ряды.

Пальцы Ли Жун скользнули по воротнику Цэнь Сяо, дразняще касаясь ключицы. Он чуть приподнялся на цыпочках и несильно прикусил нижнюю губу капитана. Дыхание его стало прерывистым, а во взгляде заплясали озорные искорки:

— Капитан Цэнь, придется подыграть мне. Нам нужно вернуться к нашим отношениям из прошлой жизни.

Тот сглотнул, слизывая след от укуса.

— Имеешь в виду... неприступный цветок с заоблачных высот и наглый повеса, который мечтает его сорвать?

Ли Жун не удержался от смеха:

— Вроде того. Можешь даже не пытаться «срывать», а просто публично со мной рассориться.

Цэнь Сяо тяжело вздохнул, в его голосе прозвучала досада:

— Значит, теперь мне даже обнять тебя будет проблемой?

Воспоминания о том, как они общались раньше, были для него настоящим кошмаром.

— Капитан, — лукаво прошептал Ли Жун, — не говори мне, что ты забыл, как умеешь брать своё силой.

<http://bllate.org/book/15351/1573571>